

Наталья Кочнева (Тюмен, Русия)

СВЕТ И ЦВЕТ В ЛИТЕРАТУРНОМ ОНОМАСТИКОНЕ ВЛАДИСЛАВА КРАПИВИНА

Abstract. In the article we reveal proper names colour writing features, being a particular form of the onomastic game in the texts by the famous children's writer V.P. Krapivin. Individual artistic principles of creating the onomastic space are viewed.

Keywords: light, colour, onomastic game, children's literature

Имя собственное играет значительную роль в организации художественного пространства текста. Онимы, обладая высоким смысловым потенциалом, разворачиваются в тексте широким ассоциативно-коннотативным шлейфом, раскрывая многогранность образа, расцвечивая авторский замысел.

Нельзя не согласиться с исследователями, утверждающими, что писатель видит мир сквозь призму цвета. По мнению Н.Д. Арутюновой, «среди сенсорных значений в тексте художественного произведения, наиболее развиты и тонко дифференцированы понятийные эквиваленты зрительных ощущений» [цит. по Папина 2009: 290]. Свет и цвет, воплощенные в языке художественной литературы, литературном ономастиконе, формируют особую зрительную оценку, способствуя более полному пониманию характера героя.

В центре нашего исследования – ономастическое творчество известного российского писателя В. П. Крапивина. Владислав Петрович вот уже более полувека пишет о детстве, детях, море, Тюмени, Севастополе. Его книги с увлечением читают не только дети, но и взрослые, потому что его фантастические произведения актуальны в любом возрасте.

В. П. Крапивин удостоен многих наград. Писатель является лауреатом различных региональных и всероссийских премий: «Аэлита»,

«А. Грина», «А. Гайдара», «Л. Кассиля», «Большой Раскон» и т. д. 27 марта 2014 года Владислав Петрович был удостоен премией Президента РФ за вклад в литературу для детей и юношества.

Важно подчеркнуть, что В. П. Крапивин – писатель, который всегда рядом. Продолжительное время Владислав Петрович, в должности профессора кафедры русской литературы читал курс лекций литературного мастерства для студентов и школьников в Тюменском государственном университете. И это, безусловно, очень важно, так как у нас была неоднократная возможность получить исчерпывающую информацию о творчестве писателя у самого писателя.

Цель нашего исследования – продемонстрировать особенности цветописи, выделяемой нами как особый прием языковой игры, в литературном ономастиконе В. Крапивина.

Вслед за Т. А. Гридиной мы рассматриваем явление ономастической игры как особой формы лингвокреативного мышления, основанной на актуализации ассоциативного потенциала имени собственного [Гридина 2011: 219]. Таким образом, ономастическая игра понимается нами как своеобразное нарушение языковых, номинативных канонов, посредством чего происходит трансформация смыслов, ломка ассоциативного стереотипа, раскрывающаяся через ассоциативно-коннотативный потенциал имени собственного.

Явление ономастической игры широко рассматривается на материале различных авторов, но на материале текстов В. П. Крапивина практически не изучено.

Наши исследования показали, что ономастическая игра в произведениях В. П. Крапивина, безусловно, важный метод, который используется писателем сознательно для формирования эффекта неожиданности, парадоксальности, который позволяет глубже передать авторский замысел. Задача читателя – расшифровать скрытые семантические смыслы и ассоциативные шлейфы имени собственного. Такая игра создает иллюзию сотворчества читателя и писателя.

Владислав Петрович придает огромное значение имени собственному в своем художественном творчестве. Во-первых, писатель создал ономастический словарь собственной фантастики «Кратокрафан» (Краткий Толкователь Крапивинской Фантастики). Данная лексикографическая работа позволяет заглянуть в творческую ономас-

тическую лабораторию писателя. В словаре в алфавитном порядке представлены более тысячи имен собственных, функционирующих в текстах писателя. Индивидуально-авторские окказиональные номинации предстают как нечто парадоксальное и фантастическое. *Ср.: Дракоза, Башкамн у Дри, Бабка со станции Чытоноги, Гипсовые ноги и др.* Придумывая имена, автор играет словами и смыслами. Также, в литературном ономастиконе В. П. Крапивина есть совершенно прозрачные, легко читаемые имена такие как *Туго Рюмбокалло, Аугусто Негусто дон Сеял де Мамалыга* и др. В приведенных примерах эффект игры заключается в столкновении формы и содержания имени, которое высвечивается за итальянской формулой имени.

Во-вторых, мы не раз беседовали с писателем о процессе создания имен. Владислав Петрович утверждал, что проще создать персонаж, чем придумать имя, которое подойдет герою и подчеркнет те или иные его качества.

Очевидно в этой связи то, что цвет и свет в литературном ономастиконе В. П. Крапивина представляется важным приемом в создании ономастической игры. Используемая писателем цветовая палитра исключительно разнообразна. В текстах представлена вся цветовая гамма, вербализованы многочисленные оттенки цвета. Цветопись проявляется не только на уровне апеллятивной лексики и при характеристике пейзажных зарисовок, как это принято традиционно, но и при создании имени героя, географического или какого-либо иного объекта, получающего собственное имя. Литературный мир В. П. Крапивина изобилует объектами, имеющими свое собственное окказиональное именование.

Наше исследование показало, что наиболее доминирующим классом выступает синий и желтый цвета. Сам писатель в интервью нам комментирует это так: *«...Синего цвета в моих текстах действительно много, потому что я с детства любил синий цвет. У меня даже одна из первых повестей начинается главой «Белое и синее». Белое – это башня, Спасская церковь в Тюмени, а синее – это фон, небо, тучи и все прочее. Это связано с морем, путешествиями, с раскраской карт, давней моей привязанностью к белым парусам... Исходя из этого, можно прийти к выводу, что синий цвет у автора самый любимый, но, пожалуй, это не так. Если*

подумать, то мне больше всего нравится желтый цвет, цвет одуванчиков, которые с детства росли у нашего дома на полянах. Часто вспоминаю, как бывало, возьмешь их в руку, лицом уткнешься... Запах этот до сих пор помню... И вот этот желтый цвет нашел отражение в романе «Голубятня на желтой поляне». Некоторые считают, что это моя лучшая книжка, я не знаю, так это или нет, со стороны виднее. Так вот, желтый цвет там достаточно часто фигурирует, да и собственно в других произведениях тоже» [Кочнева 2013: 149]. Эти цвета проявляются, звучат, входят в структуру произведений писателя, зачастую они вынесены в название, например: «Дети синего фламинго», «Голубятня на желтой поляне» и др.

Перейдем к характеристике цветовой гаммы, отразившейся в именовании героев крапивинских произведений. Палитра цвета в текстах В. П. Крапивина представлена по-разному, цвет входит в структуру онимической конструкции: зеленый цвет выражается посредством названия растений Ср.: *Кактусенок, Травушкин, Травяной Заяц и др.*, реже через названия камней Ср.: *Рудо Изумрудо и др.* Синий цвет: *Василек, Синяя долина, Синие камни*. Многочисленны случаи прямого выражения цвета в именовании – использование соответствующих прилагательных: *Белая звезда, Желтая поляна, Красный шар* – таким способом писатель номинирует фантастические объекты. Так, при помощи цвета писатель показывает необычность, сказочность животного, ситуации: *Синий фламинго, Зеленый зюзя, Желтая ворона Мурлыкара, Красный Лев и др.* Также доминирующим цветом в творчестве В.П. Крапивина выступает зеленый Ср.: *Ростислав Цветков, Кактусенок* – ассоц. молодость, юность. Отношение к природе автор показывает через прилагательные в контексте произведения: комплексное имя, а также используемые автором качественные формы (в том числе и прозвищное имя) – Ростик, Кактусенок. Комплексное имя мотивировано, во-первых, внешностью мальчика Ср.: «*Это был зеленый мальчик. Точнее, в одежде всяких растительных тонов. Тесная кожаная курточка с узкими рукавами и шнуровкой блестела, как вымытая дождем тополиная листва..*». В данном примере отчетливо проявляется характеристика героя – зеленый. В отношении человека «зеленый» – ассоц. незрелый, молодой, маленький.

Во-вторых, имя мотивировано характером героя, его позицией сопротивления (отсюда – «колючесть» как у кактуса) тоталитарным установкам, процветающим в его мире. И, наконец, центральное имя в антропониме – Ростислав – актуализируется через основы –рост-и – слав- (древнерус. рости «расти, подниматься + слава «слава, слово, слух»). В целом, можно дешифровать «говорящее» имя, связывая его с будущим «зеленого» народа: именно Ростикю суждено прославиться в противостоянии с тоталитарной действительностью.

Еще один доминирующий цвет в ономастической лаборатории писателя – желтый. В романе-трилогии «Голубятня на желтой поляне» желтый цвет символичен, амбивалентно воспринимаем: с одной стороны – пространство солнца, тепла, радости, а с другой – пространство боли, страдания, латентной опасности. Так, например, «желтый» входит в структуру топонима – *Желтый город*, *Желтая поляна* и др. В зависимости от наличия или отсутствия света желтый ранжируется в антропонимической системе текста, переходя от солнечного в желто-коричневый, цвет ржавчины, тоски. Таким образом, палитра желтого представлена в полной мере.

Остановимся подробнее на анализе топонима *«Желтый город»*. Становясь вымершим, город становится буквально залитым желтым цветом, цветом тоски. Ср.: *Своим четким рисунком город разбил сплошную желтизну. [...] А город разрастался, словно кто-то разматывал черное кружево на подсвеченном тускло-желтом сатине [...]*, но если к цвету добавляется свет, то желтый становится золотым, солнечным. Возникающий на этом фоне антропоним Ярослав (Яр-Яська-Ясн) расцвечивает пространство. Писатель подчеркивает, в имени героя – солнце. Писатель комментирует: *«Он тоже стал ясным, как бы видимым насквозь»*, *«Отвечаю ясно»*, *«Ясной ночью осенней улечу из гнезда!»*, *«Яс..»*, *«Ясн..»* и др.

Своеобразная интродукция антропонима – Гелий Травушкин, появляясь в тексте, формирует два цвето-световых полюса, коннотативно нагруженных: Яр – желтизна, тоска \ Гелий Травушкин – солнце Ср.: *«Меня зовут Гелий, потому что мой дедушка был астрономом, он солнце изучал! А фамилия Травушкин»*; *«Меня схватили и вытащили из травы... Голова-то светит на солнце, как новая копейка!...»*, *«Волосы такие, с медным отливом. Вернее, с латунным»*.

Для творчества В.П. Крапивина характерно формирование в пространстве текста оппозиции «Свое – Чужое», представленную онимически, усиленную цветосимволикой. Враждебная цивилизация заявлена апеллятивной лексикой. В романе «Голубятня на желтой поляне» автор не наделяет отрицательного персонажа традиционным онимом, обозначая его лишь местоимением: *Тот; Те, которые велят*. Описывая их, писатель использует совершенно другую цветовую палитру: это исключительно оттенки черного и серого. Непосредственно в структуре антропонима отсутствует лексема цвета, но это отсутствие восполняется ахроматической и дихроматической лексикой, входящей в околоономастическое пространство. Ср.: «*За овальным столом сидели похожие друг на друга люди – в темных костюмах, с гладкими неподвижными лицами [...]. В двух шагах стоял человек в **черном** костюме. В **белой сорочке с темным галстуком** [...]. С **гладкой черной прической – такой блестящей, будто голову помазали дегтем***». Авторская модальность отчетливо прослеживается в употреблении ахроматической, бесцветной лексики. Ср.: «*Что Вам угодно?*» – **бесцветным голосом** спросил **один**. Опасность врага подчеркивается цветом буквально – серо-черные тона, бесцветный голос, что ассоциативно отождествляется с неприметностью, а значит скрытой угрозой.

Таким образом, становится очевидным, что имя собственное – значительный элемент художественного образа героя крапивинского текста. Оним, высвечивая принадлежность к мирам реальным и ирреальным, нивелирует оппозицию «свое-чужое». Цветопись ономастикона выступает особым приемом языковой игры, позволяющим ярче раскрыть духовный мир литературного героя, подчеркивая писательскую оценочную характеристику. Имена персонажей крапивинского текста, взаимодействуя с прилагательными цвета, создают особую тональность, отражая авторскую модальность, формируя особое видение текстового пространства. Познавая крапивинский художественный текст, вовлекаясь в ономастическую игру, ребенок не только посредством символических образов познает мир, но и формирует особое, творческое мышление, ибо, по словам замечательного детского писателя Дж. Родари «Познавая во время игры внешнюю сторону

вещей, ребенок строит предположения относительно их сути» [Родари 2013: 125].

Библиография

Гридина 2011: Гридина Т. А. Этносоциокультурный контекст ономастической игры // Политическая лингвистика. 1 (35) 2011, с. 219 – 223.

Папина 2010: Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. Москва, 2010, с. 290.

Кочнева 2013: Кочнева Н. С. Почему такое имя? (интервью с писателем В.П. Крапивиним) // Сказки другой стороны. Тюмень, ТюмГУ, 2013, с. 144 – 156.

Родари 2013: Родари Дж. Грамматика фантазии. Москва, 2013, с. 125.